

Современные войны как способ блокирования системогенеза

УДК 658.51+316.42

В работе анализируются субъекты, направленно использующие гибридные войны для блокирования процессов исторического развития — системогенеза. Показана роль глобальной цифровой технологической платформы в управлении деструкцией социума.

Ключевые слова

Метасубъект, системогенез, системоквант, цифровая платформа, информационно-голографические экраны (ИГЭ), акцептор результата действия (АРД).

Авторы

Сундиев Игорь Юрьевич — член правления Российской криминологической ассоциации, доктор философских наук, профессор.

Фролов Андрей Борисович — генеральный директор ООО «Айскрин», академик МАРЭ, автор-разработчик систем психофизиологического мониторинга.

Системогенез и войны

Системогенез социума — это конфликтный и драматический процесс. В противоположность атомарной концепции (где законы броуновского движения переносятся на общество) мы считаем, что развитие социума определяется изначальной заданностью направления развития всего пространственно-временного континуума (выстраивается иерархия от простых систем к более сложным, от косной к живой материи, от зоопопуляционных отношений к психосоциальной формации).

По сути, жизненный путь индивида (и социальных групп) есть процесс постоянного научения и переучивания в соответствии с программными требованиями вышележащих информационно-голографических экранов (ИГЭ). Каждый элемент социума изначально обладает возможностью действовать в широком диапазоне возможных вариантов (в этом и проявляется свобода воли), познавая в результате на своей шкуре, что есть добро, а что есть зло для данного социума. Все события, происходящие в социуме, подвергаются социальной оценке и служат задаче выработки новых смыслов, которые затем становятся конструктивными элементами в иерархии ИГЭ.

Каждый уровень системной организации — каждый ИГЭ нашего пространственно-временного континуума — задает характер взаимоотношений между входящими в его слой элементами (АРД — акцептор результата действия экрана поддерживает программные требования для каждого элемента).

Зоопопуляционный ИГЭ, по-прежнему доминирующий, в динамике своего развития программирует элементы социума на территориальную экспансию (порабощение народов, расширение границ государства, коло-

низация), канализирует внутривидовую агрессию (как и пассивную энергию для побед) и понуждает популяционные образования приобретать необходимый ранговый статус (например, богатые колониальные державы и остальные туземные эксплуатированные территории).

Можно сказать, что все классические войны в истории велись между субъектами зоопопуляционного социума. Именно поэтому многие научные школы (наиболее типичный пример — мальтузианство) трактовали и трактуют войны как необходимый драматический атрибут саморегуляции и развития популяции:

В начале XX в. успехи НТР оказались тесно связаны с началом Первой мировой войны: были «воплощены» радиосвязь, броня, швейная машинка Зингера, печатная машинка, кинематограф, каучук и вулканизация резины, холодильники, бездымный порох, первые подводные лодки, органическая химия, самолетостроение...

войны «освежают кровь», регулируют численность населения, приносят новые технологии [1–5].

Важный результат зоопопуляционных войн — когнитивный: человечество «навоевало» бесценный нравственный опыт, необходимый для перехода на новый, психосоциальный уровень системной организации. Аграрная цивилизация прошлого (мегаполисов не было, а численность населения Земли во времена Бородинского сражения не превышала 950–980 млн человек!!!) после каждой исторической битвы в течение нескольких поколений глубоко осмыслила драматические события: «— Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри — не вы!». Каждый ребенок в каждом поселении знал семейные предания о героических поступках своих прадедов, держал в руках военные реликвии, играл в войну за своих: «А в кипящих котлах прежних боен и смут

столько пищи для маленьких наших мозгов, мы на роли предателей, трусов, иуд в детских играх своих назначали врагов...» (из песни В.С. Высоцкого «Баллада о борьбе»).

Практически все литературные произведения прошлого суть эпические¹ описания военных баталий: от «Одиссеи», «Илиады» и «Энеиды» до евразийского эпоса — «Песни о Роланде», «Калевалы»; яркими нравственно-этическими повествованиями являются русские былины, сказания («Сказание о Мамаевом побоище»), предания («Предание о Земле Русской»), слова («Слово о полку Игореве»).

Войны стимулировали кустарное дело, а затем и инженерные разработки (от эстетики и технологии изготовления оружия до инженерии вооружений). Точнее, по мысли А.И. Фурсова [6], они не стимулировали сами научные и инженерные открытия (творческая и научная мысль развивалась по законам ноосферы), а создавали на них повышенный спрос, позволяли их быстро (с использованием государственного заказа-ресурса) «воплотить в металл». Действительно, в начале XX в. успехи НТР оказались тесно связаны с началом Первой мировой войны — были «воплощены» и применены радиосвязь, броня, швейная машинка Зингера, печатная машинка, кинематограф, каучук и вулканизация резины, холодильники, бездымный порох, первые подводные лодки, органическая химия, самолетостроение...

Программные требования психосоциального ИГЭ (организован из нравственно-этиче-

ских конструктов) иные — они не предусматривают в качестве доминанты вражду и инициативу в военных действиях (нет потребности в военной экспансии); жизнь психосоциальной формации становится привлекательной для других социумов, поскольку является живым примером справедливого жизнеустройства (как это было со странами и политическими движениями, «симпатизировавшими» СССР). Вся пассионарная энергия общества направляется на поддержание восходящего вектора развития (а не на конфликты). Но пассионарной энергии требуется больше — она вся идет на социальное строительство: творческое развитие социальной инфраструктуры, создание закрывающих технологий, освоение космоса.

В случае военного нападения извне психосоциальная популяция (имеющая форму государства) способна очень эффективно ответить на военный вызов. Так случилось с зарождающейся психосоциальной формацией — СССР, которая смогла победить во Второй мировой войне всю отмотобилизованную Гитлером Европу и Азию. Более того, в последующем десятилетии СССР удалось победить и в холодной войне (не позволить осуществить ядерную бомбардировку советских городов) — создать ядерного сдерживания и не дать Западу возможности взять ядерный реванш за победу над Берлином [7]. В период с 1945 по 1953 г. (создание ядерного щита) была выиграна еще одна — не кинетическая, а по сути организационно-когнитивная холодная война (по ресурсным затратам не менее масштабная, чем война 1941–1945 гг.). Это стало возможным только благодаря возникновению новых психосоциальных отношений между субъектами социума и дополнительному развитию в результате их когнитивных возможностей: научные исследования в обла-

сти физики и химии, производство новых материалов, быстрая разработка средств доставки ядерного заряда (копирование американских самолетов дальней авиации дало временной лаг, необходимый для создания баллистических ракет), развитие стратегического и космического ракетостроения с нуля — все это было сделано в кратчайшие сроки в послевоенной стране.

Вторая мировая война велась в основном кинетическим оружием, в ходе нее было отработано применение новых видов оружия, которые стали доминирующими в последующей холодной войне.

Согласно логике развития социума, по мере развития психосоциальных отношений (возникновение государств, поддерживающих психосоциальную формацию) интенсивность и количество войн должны были пойти на убыль. И все ожидали этого после Второй мировой войны: вдохновленное Победой человечество было уверено, что ничего подобного с ним больше не произойдет, — можно заниматься социальным строительством. И Запад, и Россия собирались строить по своим образцам и сосуществовать в двуполярном мире. Зоопопуляция и нарождающаяся психосоциальная формация договорились о геополитическом разделении сфер влияния (Ялта, 1944 г.), и эта обузданная конфликтность в конечном счете способствовала системогенезу — понуждала полярные социумы развиваться.

Вмешательство неспецифических метасубъектов в ход системогенеза

Однако столь жизнеутверждающая картина, возникшая после

победы во Второй мировой войне, стала быстро меняться. В социумах (как зоопопуляционном — западном, так и в нарождающемся психосоциальном — в странах социалистического содружества) стали возникать различные нелинейные процессы, вызванные неспецифическими метафакторами, все больше оказывающими деструктивное воздействие и на социум, и на системогенез.

Их программирующее воздействие (имеют собственный мета-АРД) по сей день продолжает оставаться малозаметным для наблюдателя и не имеет аналогов в истории. Для описания функций неспецифических метасубъектов (то есть малосвойственных нашему пространственно-временному континууму структур и процессов) требуется проведение специальных исследований и, соответственно, разработка нового понятийного аппарата [8].

Неспецифические изменения системогенеза стали проявлять себя в многочисленных социальных новациях, принятых сначала за нормальные и естественные процессы развития социума. Хотя уже сама Вторая мировая война имела выраженные неклассические свойства — была инициирована и велась на основе чужеродных неспецифических конструкций (информационно-смысловых и материально-технических) — и по сути являлась войной не между социумами, а между социумом и чужеродными построениями (между разными континуумами). Хотя Вторая мировая война велась в основном кинетическим оружием, в ходе нее было отработано применение новых видов оружия [9], которые стали доминирующими в последующей холодной войне. Но для их наиболее эффективного применения должны были произойти качественные изменения в социуме.

Незаметно и стремительно как грибы после дождя стали возникать альтернативные социальные контркультурные группы-движения, живущие по специфическим законам социальной организации, отличной от их традиционных форм (их АРД по голографическому принципу организации стали активно воспроизводить и множить чужеродные информационно-смысловые конструкции) [10]. Возникновение этого феномена обычно связывают с наложени-

ем к середине 1950-х годов двух социальных эффектов: бэббума (резкое увеличение доли молодежи в демографической структуре стран, участвовавших во Второй мировой войне) и первого этапа глобализации электронных СМИ (прежде всего распространение компактных транзисторных радиоприемников). Первыми субкультурами в прямом смысле этого слова стали битники (в США), стиляги (в СССР), байкеры и скинхеды. Их появление было шоком, полной неожиданностью для всех в начале 1950-х годов.

Феномен молодежных субкультур появился сам собой и к середине 1960-х распространился по всей планете, не затронув лишь этносы, еще не вышедшие из стадии родоплеменных отношений. Он принес с собой новый сленг с ранее не встречав-

шимися неологизмами, новые технологии, новую моду, новые стили и нарочито вызывающее нонконформистское поведение. Новые технологии и мода тут же стали объектами коммерческой эксплуатации, а нонконформизм привлек внимание социальных технологов. Новообразованные структуры стали претендовать на политическое влияние и тут же были включены в состав компонентов организационного и когнитивного (идеологического) оружия. В этот период стали как мыльные пузыри появляться и юридически закрепляться различные НКО, фонды, движения «за» и движения «против» — «За мир во всем мире», «Против войны во Вьетнаме», выполнявшие двойные функции: организации протестующей молодежи и канализации ее протеста в необходимое русло. Именно тогда начало

«ненавязчиво» распространяться социальное лицемерие: забытый косячок делал борца за мир в его собственных глазах настоящим героем-революционером...

Легализация и распространение протестных движений происходили с помощью и участием гуманитарных наук (в основном психологии, психиатрии, философии, антропологии): Т. Лири, С. Грофом и К. Кастанедой была предложена принципиально новая психологическая парадигма, согласно которой, как в мыльном пузыре, мир внутри так же бескраен, как и снаружи². Расширение границ сознания не вовне, а внутрь себя — расширение внутреннего мира до размеров вселенной (психологическая пенность) — стало не только культовой практикой отдельных групп (они рознились по форме, но были одинаковы в методах ухода от социума), но и основой психоделической революции. Ее идеологи в лице популярных тогда ученых-новаторов призывали кардинально изменить мир с помощью различных практик расширения сознания (в основном методами химического воздействия): расширить границы восприятия до масштабов Космоса и благодаря этому обрести счастье, радость, смысл

жизни [11]. Естественно, этот «смысл» был вне социума и его традиционных ценностей.

Ученых-новаторов поддержали литераторы, философы и общественные деятели. Многих из них — Альбера Камю, Джорджа Оруэлла, Герберта Маркузе, Антонио Грамши, Теодора Адорно, Жан-Люка Годара, Вильгельма Райха, Ги Дебора — молодежный нонконформизм вдохновил не только на создание концепций контркультуры и новой революции, но и теории городской герилии, нашедшей теоретическое и практическое применение в середине и конце 1960-х в разгар движения «новых левых» и хиппи. Из теоретического наследия вышеперечисленных философов, писателей, политиков впоследствии черпались не

идейно и методически оформил Хуан Карлос Маригелла, опубликовавший в 1969 г. свой «Краткий учебник городской герилии» [13], ставший настольной книгой членов RAF («Фракция Красной Армии», Германия), *Brigate Rosse* («Красные бригады», Италия) и всех последующих террористических организаций. Надо сказать, в СССР хорошо понимали угрозу государству, исходящую от этих идей и теорий. «3 июля 1967 г. Ю.В. Андроповым была подана записка в ЦК КПСС о целесообразности образования самостоятельного управления по борьбе с идеологическими диверсиями противника № 1631-А. Эта записка была рассмотрена Политбюро ЦК КПСС 17 июля 1967 г., и был одобрен проект постановления Совета Министров СССР, которое было принято в тот же день (№676-222 от 17 июля 1967 г.). На основании указанного постановления Совета министров был издан приказ председателя КГБ СССР № 0096 от 25 июля с объявлением структуры и штатов образованного 5-го управления. Особо интересным является образование в феврале 1982 г. в этом управлении 13-го отдела для выявления и пресечения „негативных процессов, имеющих тенденцию к перерастанию в политически вредные проявления“, в том числе изучения нездоровых молодежных формирований — мистических, оккультных, профашистских, рокеров, панков, футбольных фанатов и им подобных» [14].

Еще через 20 лет (опять же «мгновенно» в историческом масштабе) и эти формы организации социума стали архаичными благодаря развитию электронной «грибницы» нового типа — Интернета, который позволил материализовать в нашем континууме и социуме различные варианты структур и процессов с неспецифической «пенной» организацией. В 1991 г. впервые был выпущен «джин» общедоступного «быто-

вого» Интернета — базиса принципиально новых социальных коммуникаций. В 1990-е годы в дополнение к нему стала стремительно столбиться тысячами вышек-ретрансляторов сотовая связь (стандарт GPRS), подвешивались десятки геостационарных спутников (геонавигация, стандарт GPS). Именно новые гаджеты сделали объем сетевых возможностей мобильным, глобальным и легкодоступным в любой точке планеты. Без этого технологического и коммуникативного базиса никакие «оранжевые революции» и Майданы не были бы возможны в принципе...

Виртуальная реальность Интернета стала идеальной средой для массового ухода из физического социума в различные виды сетевой организации³ (*Facebook*, *Twitter*, «ВКонтакте» и др). Причем воздействие на человека Интернета и псилоцибина оказалось сходным, только от экзотики реального социального протеста члены социума перешли к обыденности бытового коннекта: «с пивом на виртуальные баррикады».

Новые контенты — *Facebook*, *Twitter*, «ВКонтакте», почта, форумы и игры навсегда изменили не только архитектуру социальных отношений, но и психику человека. Интернет-торговля, интернет-платежи, террористические сети, организация «оранжевых революций» — все это благополучно живет в виртуальной реальности и существует по принципиально иным законам организации, не свойственным нашему континууму [15].

К концу XX в. были созданы и успешно прошли «полевые испытания» высокоэффективные методы дезорганизации социума — организационное оружие, когнитивное оружие и другие виды некинетических вооружений на основе неспецифических информационно-смысловых составляющих.

Именно новые гаджеты сделали объем сетевых возможностей мобильным, глобальным и легкодоступным в любой точке планеты. Без этого базиса никакие «оранжевые революции» и Майданы не были бы возможны в принципе.

только лозунги «новых левых», но и стержневые постулаты философии и идеологии практически всех современных террористических и экстремистских организаций.

В это время выделяются два магистральных направления дальнейшего развития организационного и когнитивного оружия. В 1968 г. Джин Шарп защитил в Оксфорде диссертацию на тему «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью», основные положения которой заложили идейную основу последующих «цветных революций» XXI в. [12]. Второе направление, бунтарско-террористическое,

Специально для западного мира, позиционирующего себя как правовое общество, была разработана и применена уникальная «шулерская» смыслокорректирующая технология «Окна Овертона» — поэтапное извращение базовых смыслов и последующее законодательное закрепление извращенных смыслов. Конспирологический привкус этой «нереальной» методики еще раз подчеркивает ее нечеловечность, чужеродность и метафизичность.

У нас в России в период перестройки и ускорения применялась особо убойная психотехнология (замаскированная под бытовое телевидение) — массовые «целительские» сеансы А.М. Кашпиоровского и А. Чумака, *возрождающие реликтовые формы общественного сознания*. То, что это не спонтанный процесс, а *использование специальной технологии социальной деструкции*, подтверждается предоставлением им эфирного времени на ведущих телеканалах страны в прайм-тайм: даже в условиях позднего СССР такое было невозможно без одобрения на самом высоком уровне [16].

Воздействие этих передач было основано на врожденном базовом

рефлекторном механизме у животных и человека — дистанционном информационном эмоциональном резонансе (ДИЭР) [17] — автоматической синхронизации и согласовании ритмов психофизиологических функций индивидов для достижения ими общего (совокупного) результата действия.

Особая опасность этих методов воздействия на человека (с захватом больших групп людей по типу массовых истерий и психических эпидемий) заключается в активации у него древних образований — подкорковых структур (так называемого крокодилового мозга — «сидлища и вместилища» безусловных рефлексов). Несложное направленное воздействие (с помощью цифровых технологий, например, с помощью обычного бытового телевидения — это не классический гипноз) влечет за собой возврат к зоопопуляционным стереотипам (паттернам) поведения, к ретроградным, то есть асоциальным, формам поведения. Типичным примером результата аналогичного ДИЭР-воздействия является направленное изменение психики всех участвующих в так называемой АТО, и не только у украинских солдат, демонстрирующих

«вечную рыцарскую природу украинского воинства...»⁴. Изменение мотивации происходило и у ополченцев И. Стрелкова «...Для такого убежденного человека, как я, это просто ненормально... то есть использовалось прямое воздействие... Не знаю, какая конкретно технология там применялась... Но то, что это было, — однозначно. Не только я ощущал это воздействие... мне приходилось вести беседы с моими ополченцами, из местных. Если они долго смотрели телевизор, то они теряли мотивацию к борьбе» [18].

Если в предшествующей истории психические эпидемии возникали под действием в основном природных метафакторов (например, в результате повышения солнечной активности — магнитных бурь) [19], то с конца XX в. зомбирование проводится как обычная технологическая операция.

«Россию накрывает эпидемия почище Эболы... Как в старые времена, Кашпиоровский собирает по России полные залы, будь то Сибирь или Урал... Но все же первая и страшная волна чумакулёза поднялась двадцать пять лет назад ни над каким не над „поколением ЕГЭ“. Она захлестнула,

уважаемые читатели, выпускников прекрасных советских школ и вузов. Людей вполне системной образованности, получивших внятную научную картину мира» [20].

Поражающий фактор новых войн (как кинетический, так и некинетический), основанный на применении неспецифических чужеродных конструкций (как материально-технических, так и информационно-смысловых), обладает значительно большей разрушающей силой (большими показателями энтропии⁵ как конечного результата разрушающего воздействия), чем кинетический (в тротиловом эквиваленте). Поскольку основные разрушения происходят не в физическом пространстве, а в психике людей (извращаются базовые мотивации, задаваемые как психогенетическими, так и негенетическими факторами передачи информации), то результаты воздействия менее заметны, но более масштабны. Папа Франциск прав: «После двух мировых войн можно говорить о Третьей войне, которая идет в локальных конфликтах, в массовых убийствах, уничтожении людей и других преступлениях агрессоров и террористов» [21].

Можно утверждать, что чертой, отделяющей нормальный ход системогенеза от его патологических форм, явилась реальная угроза омницида: рукотворное уничтожение человечества априори не может приводить к его дальнейшему развитию...

Формирование и свойства метасубъектов

Каким способом неспецифические метасубъекты становятся выгодоприобретателями: получают возможность поддерживать свою субъектность за счет присвоения ресурсов системогенеза нашего пространственно-временного континуума?

Прежде всего им необходимо отвлечь социум от социального строительства и понудить его к деструкции. «...Чтобы распоряжаться природными богатствами какой-либо страны и эксплуатировать местное население, эту страну надо завоевать (если она не ведется на демократические разводы и не хочет сдаться добровольно). Но зачем обязательно посылать против нее войска? Действие внешней силы только сильнее сплачивает защитников. Стоит задача обескровить народ до состояния, когда он перестанет сопротивляться. С ней может успешно справиться и сам этот народ, нужно только создать условия. Нужно тщательно исследовать все внутренние противоречия, которые есть в любом народе, выбрать которое поглубже и развить его. Не важно кого с кем сталкивать — восточных с западными, красных с белыми, мурси с фурси и т.п., важно как это сделать. Ядовитые семена ненависти эффективнее любого атомного оружия, они гораздо основательнее защищают поле боя. Это не такое простое занятие: взрастить ненависть одной части народа к другой, поддерживать и направлять ее, пока не получится нужный эффект, а затем еще суметь воспользоваться плодами своей работы, то есть получить под свой контроль территорию и остатки населения» [22].

Но сделать это метасубъект может, только играя на грани фола, не выходя за рамки штатных и программных процессов в системогенезе континуума — иначе он станет заметен и будет тут же уничтожен (перепрограммирован, по возможности). Приносить свое АРД (строить самостоятельную несоответствующую реальность) законами ИГЭ кате-

горически запрещено: обнаружив несоответствие программ, механизмы саморегуляции уничтожат все несоответствующие АРД и их носителей.

Метасубъекту остается одно — мастерски играть на грани фола. В общественных науках, относящихся к конспироло-

гии как к «вульгарному словоблудию» (значимая и важная операция прикрытия), поддерживается мнение, что поскольку никакого заговора не может быть, то, соответственно, не может быть и субъекта этого заговора. Чтобы выпасть из истории и незаметно сесть на ресурсный поток нашего развития, метасубъект должен стать незаметен как для выше-, так и для нижележащих ИГЭ (в конкретном случае ему следует расположиться над зоопопуляционным ИГЭ, но ниже психосоциального ИГЭ и ноосферы)⁶. Быть незаметным — значит хорошо маскировать свой АРД, представляя результаты собственной деятельности как штатные, укладываемые в возможные варианты зоопопуляционного развития системогенеза.

Генеральный вектор развития (системогенеза) может быть представлен как результирующая множества векторов-системоквантов, существующих в нашем пространственно-временном континууме (характеризующих деятельность каж-

дого из его субъектов). Можно сказать, что из суммы (в геометрико-математическом смысле) всех векторов-системоквантов результируется и весь пространственно-временной континуум⁷.

Направление каждого вектора-системокванта (результативного отрезка деятельности от возникновения потребности до ее удовлетворения, то есть до результата деятельности) проецируется на ось системогенеза. Таким способом поддерживается изначально заданная направленность развития (поляризация) — от простого к сложному, от косной к живой материи, от зоопопуляционной формации и далее вверх и выше по иерархии ИГЭ. Разнообразие векторов (то есть своеобразных индивидуальных способов достижения результатов) и их направленности (при суммации с генеральным вектором имеют положительную величину) служит функциональной основой системогенеза. Векторы-системокванты, значительно отклоняющиеся от направления генерального развития (при суммации с генеральным век-

тором имеют отрицательную величину), либо перенаправляются, либо гасятся с помощью механизмов саморегуляции. Игра векторов-системоквантов (дискретный процесс выравнивания их направления по отношению к генеральному вектору) и порождает нелинейность и турбулентность социальных процессов — всю ту непредсказуемость поведения социума, которую мы наблюдаем в истории.

Но как раз эта нелинейность и может быть использована метасубъектом в корыстных целях, поскольку результаты деятельности принимаются в зачет вышележащими ИГЭ в широком диапазоне возможных значений.

Можно сказать, что метасубъект — информационно-кибернетическая сущность с максимально отчужденным материальным субстратом и доминированием информационно-смысловой составляющей (заметим, что на протяжении последних 60 лет имеется тенденция пе-

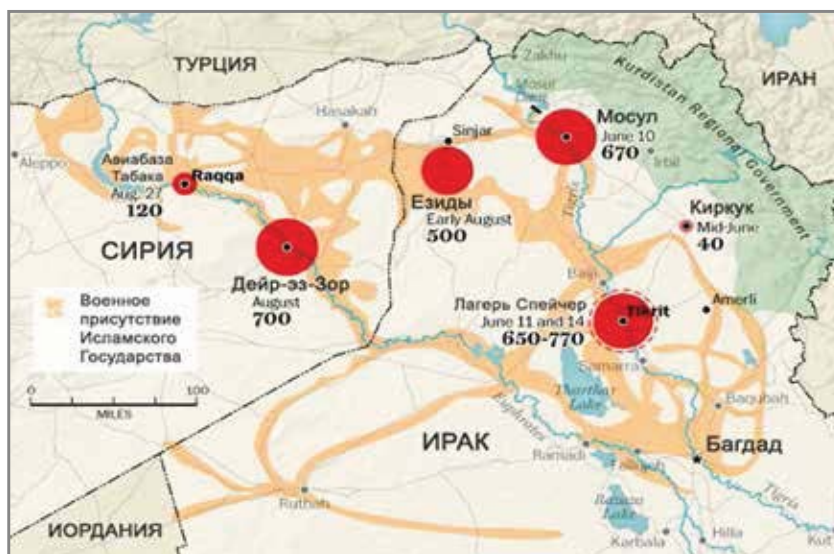
рестуует себя как рыба в воде. Облачные построения (функциональная основа интернет-технологий) — не только идеальная среда обитания для метасубъекта, но и тот самый слой, через который он может незаметно воздействовать на социальные процессы. Поскольку ИГЭ киберслоя находится выше по иерархии — над зоопопуляционным ИГЭ (которым программируется большая часть современного социума), он имеет возможность скрыто управлять некоторыми социальными процессами — до тех пор, пока они не выходят за рамки программных допущений. Результирующая векторов-системоквантов, над которыми поработал метасубъект, в достаточной мере отличается от направления генерального вектора развития, но не превосходит критических значений, необходимых для их (векторов) перенаправления или ликвидации (имеет при суммации не «+», не «-», а «0»). Критичным является не направление того или иного отдельного вектора-системокванта, а того множества (суммы векторов), которое подверглось воздействию.

Метасубъект изменяет траектории векторов-системоквантов (перенаправляет в свою пользу результаты деятельности субъектов социума), но, чтобы не быть обнаруженным, делает это не непрерывно, а дискретно, в импульсном режиме. Если применить аналогю с Уроборосом-коллайдером, то разгон системоквантов внутри его тела происходит не непрерывно, а в нужные ему периоды. Этот проверенный веками метод (заимствовано из inferнальных практик) — нашептывание и легкое подталкивание — легким движением руки («три шара от двух бортов в лузу») позволяет убедить наблюдателя в естественности деструктивного процесса... Таким образом, метасубъект присутствует в пространственно-временном континууме

рехода от кинетических войн к войнам смысловым). В современной информационной среде (которая активно развивалась в последние десятилетия из чужеродных неспецифических конструкторов) метасубъект чув-

Карта массовых убийств, совершенных боевиками ИГИЛ на территории Сирии и Ирака

не постоянно, а проявляет себя в короткие промежутки времени: можно сказать, что он имеет *мерцающую субъектность*. Использование свойств *мерцающей субъектности* в современных войнах означает постоянную смену ролей противоборствующих сторон, размывание границ между войной и миром, между своими и чужими, между жертвами и палачами. За время конфликта субъекты и объекты военных действий несколько раз успевают поменяться местами, что делает бессмысленным продолжение военных действий для тех и других.

Новые войны — новые цели и средства

В современных войнах произошло неизбежное смещение центра тяжести — перераспределение с кинетического (разрушающего) на ментальный и социотехнический (трансформирующий) акценты. Разрушающая сила тротилового эквивалента классических войн прошлого теперь заменена более деструктивным фактором (и менее заметным) — информационно-смысловым и когнитивным (информационно-смысловые ИГЭ расположены выше по иерархии, чем физико-химические

ИГЭ, поэтому их воздействие более эффективно и в разрушении, и в созидании).

Показательно мнение военного аналитика: «Война — экономическое понятие, она имеет экономические корни. В результате войны любая сторона пытается достигнуть какого-то результата, который можно будет затем конвертировать в экономику. И сегодня ситуация такова, что современная армия при агрессии против какого-либо государства не способна с приемлемыми затратами победить. Потери агрессора, даже не говоря уже о том, что возможен ответный удар — оружие массового поражения однозначно сделает потери неприемлемыми — даже агрессия сильной страны против слабой экономически невыгодна. Потери настолько велики (экономические именно), что весь смысл войны теряется. Это показала Югославия, где НАТО понесло расходы такие, как будто оно проиграло войну» [23].

Это не значит, что исчез смысл вооруженных столкновений, это значит, что они стали приобретать новые, не всегда адекватно оцениваемые значения.

«...Была создана концепция нового способа ведения войны — террористическая война с помощью дешевой массовой силы, нанимаемой на месте и в сопредельных государствах. Тысячи необученных боевиков дешево одного подготовленного солдата с современными средствами ведения войны...Террористические армии дешевы, массовы, эффективны, плюс нет возможности нанести ответный удар. Потому что террористическая армия никому не принадлежит, не по кому наносить удар. Все знают хозяев армии, кто ее спонсирует, но формально претензий никаких не предъявить. Такая террористическая война складывается из нескольких компонентов. Снижение жизненного уровня сопредельных стран и создание в них точек нестабильности — мест, где можно набирать боевиков, где вялотекущий конфликт позволяет проникать через границу, где оружие на руках у населения. И это позволяет на границе государства создать постоянно действующий источник боевиков. Снижение жизненного уровня в соседних странах приводит к снижению стоимости боевиков. Развязывание религиозной или национальной истерии, работа СМИ и затем спонсирование и обеспечение оружием. Чем опасна террористическая война в отличие от обычной? Если в обычной войне армия воюет против армии, то в террористической, где цель не победа, а сама война — боевики воюют против населения. И ни одна армия мира полностью защитить свое население от боевиков не в состоянии. Все армии, абсолютно все — не имеет значения ни уровень развития государства, ни технические возможности — все армии предназначены для того, чтобы противостоять такой же армии... Боевики не спрашивают население, что оно там поддерживает или нет. Они приходят и грабят его, убивают. Никакая поддержка населения

боевикам не нужна. Боевикам не нужно менять власть. Им не нужно завоевывать страну. Суть террористической войны в том, чтобы уничтожить страну как экономическую единицу. Цель войны — хаос, а не захват страны. Террористическая война — самый быстрый и дешевый способ уничтожения страны...» [23]. В качестве примера — карта массовых убийств, совершенных боевиками ИГИЛ на территории Сирии и Ирака, которую эти государства уже не контролируют (см. *рисунок*).

Современные войны — это в первую очередь доминирование смыслового, когнитивного, информационного и организационного видов оружия. Все они использовались и в древней, и в новейшей истории человечества [16]. Особенность современного этапа в том, что они применяются комплексно на основе *единой цифровой технологической платформы*.

Подобная технология платформ, заимствованная из производства машин и механизмов, позволяет собирать войны «под заказ» (из различных составляющих — кинетических и некинетических) практически для любой территории, с любым набором субъ-

ектов и объектов (а затем при необходимости менять их местами) и делать это по принципу конструктора-трансформера. Платформы, как и управляющий ими метасубъект, функционируют в *мерцательном режиме*: они могут быть заметны для наблюдателя только в короткий миг их непосредственного операционного воздействия на социум, но не в самый момент принятия решения, то есть в процессе выработки АД для программирования конкретного события (происходящего на платформе). Вот почему «...современная война начинается незаметно и приобретает столь разнообразные формы, что часто бы-

корентабельной коммерческой услугой [25]: она инициируется по заявке заказчика в нужном месте и в нужное время. Предпосылкой заказной войны является не обострение естественной борьбы между субъектами социума (в религиозных, экономических, политических, нравственно-этических областях), а коммерческий пуск высокотехнологичного процесса (метасубъект воздействует на субъекты социума).

Сборка заказной войны на цифровой платформе изначально подразумевает наличие высокотехнологичного медийного компонента: весь реальный ход

Если в предшествующей истории психические эпидемии возникали под действием в основном природных метафакторов (например, в результате повышения солнечной активности — магнитных бурь), то с конца XX в. зомбирование проводится как обычная технологическая операция.

вает трудно осознать сам факт ее начала. Вступление государства в войну может произойти мгновенно, в одночасье, когда обыватели, еще вчера жившие в мире, утром оказываются в условиях военного времени» [24].

Таким способом война становится, как в Средние века, высо-

событий будет направленно замещен виртуальной реальностью. Медийная реальность, непрерывно микшируемая с помощью цифровых мощностей платформы, — это то, через что АД метасубъекта воздействует на весь социум: как на непосредственных участников события, так и на «зрителей». Война не может обойтись без репортажей из горячих точек, доверительных интервью ее жертв и участников, а самое главное — без слухов [26] и комментариев экспертов.

Метасубъекту не нужны факты-события, ему необходимы их трактовки: «...СМИ не просто информируют нас о происходящем, но и формулируют определения, подсказывают выводы, задавая рамки интерпретации того или иного события» [27]. Д. Седов справедливо отмечает, что «при подготовке нападения на Югославию нападающая сторона сумела поставить под тотальный контроль практически все информационные по-

токи западного полушария. Информационные агентства, телевидение, пресса работали по команде, любое отклонение от заданной линии сурово каралось. И весь мир заставили-таки поверить в то, что сербы — исчадие ада, а их президент С. Милошевич — „мясник Белграда“. На втором этапе этой грандиозной информационной операции было произведено „переедание“ косовских бандитов: их превратили в жертвы, а закончилось это расчленением Сербии — отрывом от нее исторической сербской земли, Косовского края. Четверть века спустя такой свободы рук в информационном обеспечении своих военных экспедиций США и НАТО не

любое изображение в формате HD (одновременно с «объемным» звуком) с любого места события (например, подобная камера была вмонтирована в каску повстанца с позывным «Моторола»). «При этом благодаря современным технологиям связи телезритель или интернет-пользователь получает возможность наблюдать кадры реальных военных действий, происходящих революций и переворотов, катастроф и стихийных бедствий и других важных событий» [29].

Дополнительный бонус современной медийной среды — это виртуальная причастность — возможность выкладывать комментарии к освещаемым событиям и спорить по поводу трактовок. Но и этот процесс направляется с микшерского пульта платформы: остаются нужные комментарии, а негодные точки зрения можно затроллить и забанить (тролли — не добровольцы, а профессиональные наемники) [30].

Инициирование военных столкновений не представляет технической трудности. В каждой социальной системе всегда имеются противоречия, необходимые для ее развития (как основы системогенеза) — остается только «сделать из мухи слона». Это совсем не сложно при современном развитии печатного дела, цифровых технологий и развертывании глобального экономического кризиса.

Современный район военных действий — не Сталинград 1942–1943 гг. Это фантазмагорическое диффузное образование без выраженной линии фронта (его вообще нет в классическом понимании, поскольку нет границ у объекта войны), без четких смыслов, четких целей, четкой субъектности⁸... Его свойства — неестественность, постановочность, нарочитость, технологичность, виртуальность, оно подобно театру

абсурда, театру теней, компьютерной игре в стратегии. В аномальной зоне — обитатели сталкеров — нет «непреодолимых противоречий» в статусе партизан, ополченцев, отпускников, советников, мародеров, добровольцев и наемников из сопредельных территорий и государств. Они то стреляют друг в друга, то «табачком делятся». Уже никого не удивляет, что на войну можно приехать в отпуск — пострелять, развеяться либо на экстрим, или по убеждению (желанию) повоевать за ту или другую сторону. А можно и по турпутевке. Новая услуга на Украине — военный туризм: за дополнительную плату шарахнуть из гаубицы по клятым москалям [31].

Подчеркивают виртуализацию позывные, ники и лайки. Не классические прозвища (типа «угрюмый», «дед», «батяня комбат»), а именно лайки: «Гиви», «Моторола», «Бабай» — и театральный (если не клоунский) образ, по типу ников в сетях. Виртуализированные персонажи тоже отъезжают в отпуск в сопредельные государства: погреться на солнышке, искупаться, жениться, полечиться, на шопинг — подобрать к лицу маскхалат и камуфляж. И вся эта движуха снимается на видео и гуляет по интернету. Появилась новая ипостась — диванная война и, соответственно, диванные войска «с пивом по жизни». И рядом — реальные зверства, казни, пытки, изнасилования, расстрелы. Причем жертв среди мирного населения

Ядовитые семена ненависти эффективнее любого атомного оружия, они гораздо основательнее зачищают поле боя.

имеют. Многолетнее доминирование западных информационных ресурсов значительно поколеблено. Тому есть две главные причины: 1) быстрое развитие социальных сетей в Интернете, работающих автономно от правительств и „хозяев дискурса“; 2) закрепление в мировом информационном пространстве влиятельных информационных ресурсов, созданных в незападном мире — в Китае, России, арабо-мусульманских странах» [28].

Еще одно технологическое чудо, обеспечивающее эффект присутствия (опять же на основе неспецифических конструкций), — миниатюрные цифровые камеры GO Pro с высоким разрешением и встроенной универсальной оптикой (их устройство намного сложнее современного сотового телефона и компьютера, хотя такие камеры легко монтируются в корпус компьютера или телефона). Они позволяют получать и тут же транслировать

значительно больше, чем в классических военных конфликтах...

Технологическое обслуживание платформы осуществляется узким кругом управляющих и привлеченных ими специалистов. Прежде всего это фактически владельцы частных транснациональных корпораций и холдингов (структур, не зависящих непосредственно от государ-

ные требования вышележащих структур.

Высокая эффективность действий корпоратократии определяется еще и тем, что практически все векторы-системокванты их деятельности (результативные отрезки деятельности) находятся не в физическом мире, а в киберсреде — среде обитания метасубъекта.

летворения собственных, уже не человеческих потребностей.

В этом отношении показательны слова Джеймса Глаттфельдера о том, что конечный (главный) субъект управления так и не определен: «Пока мы только обнаружили какую-то фигуру с высоким рангом влияния, но это не Ротшильд, не Рокфеллер, даже не Билл Гейтс или Уоррен Баффет» [33].

В качестве заключения

Война есть метапроцесс, захватывающий и направляющий множество системоквантов — результативных отрезков деятельности субъектов социума. Каким способом перенаправляются векторы и их потоки, становится все более понятным: это уже не саморегуляция больших социальных систем, а направленное технологическое воздействие неспецифического чужеродного фактора. Но самое главное — необходимо понять, не как, а для чего столь изощренно иницируются масштабные деструктивные процессы: каково содержание акцептора результата действия (АРД) метасубъекта на метауровне системной организации?

«Войны сегодня развязываются не для захвата национальных богатств и ресурсов, порабощения народа или оккупации чужих земель. Целью агрессии становится полное подчинение противника своей воле. Об этом говорил еще классик военной мысли Карл Клаузевиц: «Война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [24].

Воля, «свобода воли» всего человечества — вот тот истинный метафактор, который является неизбежной основой системогенеза, непрерывного процесса совершенствования нашего мира. И человечество уже достигло такого уровня развития, когда оно способно осознанно перейти на

ственного регулирования). Их принято называть глобальным управляющим классом — корпоратократией. К их числу могут быть отнесены компании — владельцы основных компонентов Интернета: ICANN, *Amazon*, *Cisco*, *UUNET*, *Level 3*, *Verizon*, *AT&T*, *Qwest*, *Sprint*, *IBM*; медиахолдинги *Publicis Groupe* и *Interpublic Group*. В качестве операторов платформы можно назвать компании *SWIFT*, суперкорпорацию, описанную Дж. Глаттфельдером [32], ну а в чисто информационном плане это, несомненно, *Google*, *Apple*, *Facebook*.

Операциональные возможности цифровых платформ, которыми они управляют, очень велики: ИГЭ киберсреды находится выше по иерархии, чем зоопопуляционный ИГЭ, следовательно, субъекты зоопопуляции неукоснительно реализуют программ-

Корпоратократия в значительной мере утратила связь с социумом и не связана с процессом его системогенеза. Жизнь корпоратократов — это жизнь особых человекообразных существ (отграниченная от остальных среда обитания, использование трансгенных технологий для поддержания и продления жизни, отсутствие нормальных человеческих качеств, например отсутствие эмпатии) [32]. По сути, у них произошла смена субъектности — из субъектов социума они трансформировались в сущности, программируемые метасубъектом (хотя антропоморфные признаки, жестко детерминированные геномом, остались). Их витальная задача и личная выгода — не управлять государствами (нести бремя ответственности за результаты управления), а пользоваться системогенезом социума для удов-

новую ступень, к психосоциальной формации — обществу социальной справедливости. Естественно, с этого пути следует убрать помеху...

ПЭС 15009/26.01.2015

Примечания

1. Эпос — род литературы (наряду с лирикой и драмой), повествование о событиях, предполагаемых в прошлом (как бы свершившихся и вспоминаемых повествователем). Эпос охватывает бытие в его пластической объемности, пространственно-временной протяженности и событийной насыщенности (сюжетность). Согласно «Поэтике» Аристотеля, эпос в отличие от лирики и драмы беспристрастен и объективен в момент повествования.

2. Обратите внимание, идеологи общества Туле так же опирались на тезис о том, что Земля полая внутри.

3. «Сеть — структура, в которой отсутствует единый центр (лидер, доминант), так что ее поведение является результатом кооперативных взаимодействий между элементами (узлами), среди которых могут быть несколько частичных лидеров с ограниченным воздействием на систему. Следует отметить, что Всемирная паутина устроена во многом именно по данному организационному принципу» [34].

4. «Вооруженные силы Украины, национальная гвардия и другие подразделения никогда не позволят себе применять силу против мирных людей. Они никогда не будут бить по жилым кварталам, украинские солдаты и гвардейцы будут рисковать собственными жизнями, чтобы не подвергать угрозам женщин и детей, пожилых мужчин. Такова вечная рыцарская природа украинского воинства» [35].

5. Энтропия (мера неупорядоченности, хаоса) — «...не туманное представление или идея, а измеримая физическая величина... Единица измерения энтропии есть калория на градус Цельсия (совершенно так же, как калория есть

единица измерения тепла или сантиметр есть единица измерения длины)...» [36].

6. Ноосфера, по Вернадскому, «сфера разума», где собраны все интеллектуальные достижения человечества (информация с ИГЭ субъектов социума); это «всеобщая библиотека», вспомогательный ИГЭ, необходимый в период становления и развития психосоциального ИГЭ.

7. «Системокванты поведения могут строиться на основе как биологических (метаболических), так и социальных (у человека) потребностей... Все мироздание пронизано находящимися в тесных иерархических отношениях системоквантами различного уровня организации от физического уровня через системокванты живых организмов до системоквантов космического уровня» [37].

8. Это характерно и для Новороссии, и для Сирии, и для зоны, занятой ИГИЛ.

«Террористическая война — самый быстрый и дешевый способ уничтожения страны...»

Источники

1. Pearson F.A., Harper F.A. The world's hunger. N. Y., 1945.
2. Vogt W. Road to survival. N. Y., 1948.
3. Cook R.C. Human fertility: the modern dilemma. N. Y., 1951.
4. Bouthoul G. La surpopulation dans le monde. P., 1958.
5. Reboux P. Trop d'enfants? 1951.
6. Фурсов А.И. Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 499 с.
7. Холодная война: В 2 т. Военная история Российского государства / Под ред. В.А. Золотарева. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. С. 136–176.
8. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. К вопросу об экзогенных факторах деструкции социума в анизотропном континууме // Экономические стратегии. 2014. № 6–7. С. 154–169.
9. Linebarger P.M.A. Psychological Warfare. Washington, 1954.
10. Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные организации: опыт экспозиции // Социологические исследования. 1987. № 4.
11. Гусакова К. Шесть удивительных научных открытий о психоделиках [Электронный ресурс]. URL: <http://mixstuff.ru/archives/51122>.

12. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. М., 2004.
13. Mini-Manual of The Urban Guerrilla. Carlos Marighella. 1969.
14. Хлобустов О. КГБ — шаги становления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.html?id=10318038@fsbPublication.html>.
15. Сундиев И.Ю. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса // Научный портал МВД России. 2012. № 1.
16. Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и основные направления использования в современной истории России // Экономические стратегии. 2013. № 6.
17. Судаков К.В. Информационный эмоциональный резонанс. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 27.
18. Интервью Игоря Стрелкова Марату Мусину [Электронный ресурс] // Politikus.ru. 2014. 29 октября. URL: <http://politikus.ru/video/37045-intervyu-igorya-strelkova-maratu-musinu-ot-29-oktyabrya.html>.
19. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объёмах Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. С. 350–405.
20. Супер Е. О новой волне чумакулеза в России [Электронный ресурс] // Однако. 2014. 25 ноября. URL: <http://www.odnako.org/blogs/onovoy-volne-chumakulyoza-v-rossii/>
21. Pope warns of a "Third World War" [Электронный ресурс] // The Telegraph. 2014. September 13. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/11094114/Pope-warns-of-a-Third-World-War.html>.
22. Алешин В. На кого работает ненависть? [Электронный ресурс] // Politikus.ru. 2015. 11 января. URL: <http://politikus.ru/articles/40002-na-kogo-rabotaet-nenavist.html>.
23. Война будущего на примере Сирии и Донбасса [Электронный ресурс] // Толкователь. 2014. 16 июня. URL: <http://ttolk.ru/?p=20851>.
24. Попов И. «Война — это мир» по Оруэллу [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2014. 11 апреля. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-04-11/1_war.html.
25. Uesseler R. Krieg als Dienstleitung. Berlin, 2006.
26. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ // Свободная мысль. 2014. № 5.
27. Информационные аспекты террористических актов (аналитическое исследование). Информационное агентство «Росбалт» // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Сб. статей под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа. 2004. С. 204.
28. Седов Д. 2015-й — год перемен на фронтах информационной войны [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 2015. 7 января. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/01/07/2015-j-god-peremen-na-frontah-informacionnoj-voyny-31248.html>.
29. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. С. 42, 45.
30. Хак У. Пузырь соцсетей [Электронный ресурс] // Harvard Business Review Россия. 2014. 25 августа. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/p14401/>
31. В зоне АТО начали организовывать экскурсии [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. 2014. 30 июля. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3399335-v-zone-ato-nachaly-orhanyzovyvat-ekskursyy>.
32. Делягин М.Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. 2012. № 1–2.
33. Мировой экономикой управляет одна «суперкорпорация» [Электронный ресурс] // New Scientist. 2011. № 11. URL: <http://ru.delfi.lt/news/economy/uchenye-mirovoj-ekonomikoj-upravlyaet-odna-superkorporaciya.d?id=50901383>.
34. Олескин А.В. Децентрализованные сетевые структуры в экономической и политической сферах [Электронный ресурс]: сетевой социализм и сетевая меритократия // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/decentralizovannye-setevye-struktury-v-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sferax-setevoy-socializm-i-setevaya-meritokratiya/2/>
35. Лавров: «Все время ношу с собой цитату Петра Порошенко» [Электронный ресурс] // Ридус. 2014. 29 июля. URL: <http://www.ridus.ru/news/164629>.
36. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? / Пер. с англ. А.А. Малиновского. М.: РИМС, 2009. С. 73.
37. Судаков К.В. Избранные труды. Т. 1. М., 2007. С. 336–338.

Contemporary Wars as a Way of Blocking Systemogenesis

Igor Sundiev, Andrey Frolov

The paper analyzes the actors purposely using hybrid wars to block historical development process — systemogenesis. It shows the role of the global digital technology platform in managing society destruction.

Keywords: meta-subject, systemogenesis, systemoquantum, digital platform, information and holographic screens (IHS), action result acceptor (ARA).